УДК 321.7

ПАХОМОВА Е.А.

К вопросу об отечественных традициях прямой демократии

В статье рассмотрены проблемы прямой демократии в России, в том числе применительно к экономическим процессам. Выявлены положительные и отрицательные стороны влияния непосредственной демократии на развитие российского социума. Доказано, что прямая демократия не является универсальным средством, способным улучшить ситуацию в стране.

Ключевые слова: прямая демократия, артель, теория С. Адамса, золотодобыча, эффективность, правовой нигилизм.

Более двух десятилетий назад еще в СССР был начат процесс демократизации, в той или иной степени продолжающийся и по сей день. Некоторые исследователи, особенно за рубежом, придерживаются мнения, согласно которому нынешние антидемократические настроения связаны с крушением устойчивой системы российских ценностей и традиций. Россияне тяготеют к сильной государственной власти и сильному лидеру – это заложено в их культуре и определяется такими факторами, как влияние православной церкви, патерналистские ценности сельской общины, многовековая власть царя и более поздние явления – преобладание в течение длительного времени ценностей марксизма-ленинизма и социализма[1]. Представляется, что данный тезис далеко не во всем не соответствует действительности.

Разумеется, нельзя не признать, что "государство в силу ряда исторических обстоятельств неизменно занимает в общественной жизни России доминирующее положение, в результате чего ... развивается патернализм (стремление быть под защитой государства или какого-либо государственного лица)..."[2]. Иначе говоря, патернализм есть важнейшая черта отечественного социума, и игнорировать данное обстоятельство нельзя ни в коем случае. Однако это не противоречило в прошлом и не противоречит сейчас развитию в России демократии. В первую очередь речь идет о так называемой "прямой демократии".

Зачастую еще с советских времен в качестве синонима данному понятию применятся словосочетание "непосредственная демократия"[3]. На Западе такое явление, как правило, именуется "Direct Democracy"[4]. Одно из наиболее точных толкований данной дефиниции, по нашему мнению, дано отечественным специалистом Н.П. Фарберовым, считавшим, что под непосредственной демократией понимается не только прямое волеизъявление народных масс при выработке и принятии государственных решений, но также "их прямое участие в проведении этих решений в жизнь, в осуществлении народного контроля"[5]. Исследователями признается, что в России существовала богатая практика институтов прямой демократии, воплощенная народной правотворческой инициативой, а также императивными формами прямого волеизъявления[6].

Как известно, сторонниками именно прямой демократии являлись выдающиеся просветители А.Н. Радищев и Ж.-Ж. Руссо. Конечно же, многие современные исследователи трактуют их идеал как феномен, содержащий начало “тоталитарной демократии”[7]. Впрочем, по нашему мнению, такая оценка не является бесспорной. То есть идеализировать отечественную разновидность прямой демократии ни в коем случае не стоит, хотя и отбрасывать ее опыт также ни в коем случае не следует.

По нашему мнению, едва ли не самым ярким проявлением прямой демократии в российских реалиях можно признать артель. Само это слово, судя по всему, имеет тюркское происхождение и связано со словном “орта”, то есть община, середина. Понятие «артель» появилось в документах не раньше XVII века, а до того использовались в том же качестве такие термины, как складчина, ватага, дружина и братчина[8]. Под артелью, как правило, понималось добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванных на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи[9]. С течением времени появились разные определения, претендующие на описание этого термина. Широкое бытование слова “артель” объясняется тем, что наряду со специальным его пониманием (артель как выражение специфического принципа объединения – в России так повсеместно называли любую самоорганизацию) оно издревле употреблялось еще и в самом общем смысле – просто для обозначения самого факта объединения для каких-либо целей (“коллективное” в противоположность “одиночному”)[10].

Основанные на начале самоорганизации и равенства участников артели являли собой в отечественных условиях пример большой экономической эффективности. В советский период это касалось в первую очередь добычи золота (прежде всего имеется в виду знаменитая артель В.С. Туманова)[11]. В современных условиях на долю артелей приходится около 60% общероссийской добычи этого драгоценного металла[12].

Во многом такое положение дел объяснимо тем фактом, что мотивация трудовой деятельности в артелях строилась на теории С. Адамса: люди субъективно определяют отношение полученного вознаграждения к затраченным усилиям и затем соотносят его с вознаграждением других людей, выполняющих аналогичную работу. Основной вывод теории состоит в том, что пока люди не начнут считать, что они получают справедливое вознаграждение, они будут уменьшать интенсивность труда. Эффективность же мотивации оценивается работником не по определенной группе факторов, а системно с учетом оценки вознаграждений, выданных другим работникам, работающим в аналогичном системном окружении[13]. Кроме того, именно в случае применения артельного труда выше становится уровень ответственности перед заказчиком и, как следствие, выше и качество конечных продуктов трудовой деятельности. Судя по всему, теория С. Адамса наиболее применима в отечественных реалиях (прежде всего в провинции), поскольку отвечает специфике менталитета русских людей.

Впрочем, нельзя не признать, что те же самые артельные принципы являли в российской действительности и примеры эффективности иного рода. Так, исследователями отмечалось, что в местах лишения свободы тюремная община, имевшая своим началом крестьянскую общину, фактически привела к появлению артелей, которые, как отмечалось еще в XIX веке, очень эффективно противодействовали администрации в рамках российской пенитенциарной системы[14]. В советские и постсоветские годы этот артельный во многом опыт был не только сохранен, но и приумножен.

В целом же следует признать, что артели по сути создаются “под проект” и именно на период его выполнения являют собой пример высокой эффективности. Нельзя также не признать, что артельный метод, равно как и активно внедрявшийся в некоторые периоды советской истории бригадный подряд, наглядно демонстрируют, что прямая демократия не является противопоставлением государству и даже может служить делу его укрепления (прежде всего экономического).

Кроме того, именно такой вариант демократии объективно может способствовать развитию местного самоуправления.

Впрочем, зачастую прямая демократия не приемлет плюрализма мнений, конфликтующих между собой интересов. Идеальным органом власти для нее, согласно Р. Далю, является гомогенное в расовом, этническом, религиозном, языковом отношении, в статусе, уровне благосостояния и познаний граждан народное собрание (то есть то, что имело место в античном мире). Оно – единственная политическая ассоциация, воплощающая в себе интересы общего блага[15].

Таким образом, и прямая демократия, и артель как ее наглядное проявление (прежде всего в экономической жизни) могут содействовать укоренению демократических ценностей в России, однако абсолютизировать их возможности ни в коей мере не следует. Мало того, недостаточный учет качественных характеристик (связанных со спецификой политической культуры) может даже содействовать установлению анархии или, как минимум, правового нигилизма в той или иной местности с помощью прямой демократии.

[1] Колтон Т., Макфол М. Верно ли, что русские не демократы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 4. С. 13.

[2] Паначева А.С. Политическая культура современного российского региона (на материалах Приморского края). Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. Владивосток, 2004. С. 16.

[3] Макарцев А.А. Развитие институтов прямой демократии в СССР в 1935–1937 гг.: На материалах сельских районов Западно-Сибирского края. Дис. ...канд. юр. наук: 12.00.01. Новосибирск, 2006. С. 24.

[4] Руденко В.Н. Конституционно-правовые проблемы прямой демократии в современном обществе. Автореф. дис. … докт. юр. наук: 12.00.02. Екатеринбург, 2003. С. 3.

[5] Макарцев А.А. Указ. соч. С. 25.

[6] Лукьянчикова Л.В. Развитие институтов прямой демократии в дореволюционной России: историко-правовой аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 10.

[7] Яковлев М.В. Особенности современной демократии в России // Перспективы науки (Тамбов). 2013. № 1. С. 114.

[8] Стекольщикова И.Г. Понятие и отличительные признаки артели как формы кооперации в дореволюционной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 2. С. 217.

[9] Ше С.Г. Артельный подход к организации предпринимательской деятельности // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2012. № 3. С. 29.

[10] Новиков И.А. Артели в России во второй половине XIX – начале XX в.: социально-экономическая сущность и ее трансформация. Дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2011. С. 54.

[11] Туманов В. Все потерять и вновь начать с мечты. М.: Новости, 2004. С. 177.

[12] Лысков В.М. Особенности организации оного регулирования деятельности артелей старателей (история и современность) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2003. № 2. С. 83.

[13] Лазутина А.Л. Моделирование эффективной системы мотивации труда: на примере предприятий машиностроения. Дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05. Ижевск, 2007. С. 20.

[14] Кутякин С.А. Некоторые исторические аспекты развития концепции противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России // Актуальные проблемы деятельности органов и учреждений ФСИН России в условиях развития УИС // Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Киров. 5–30 декабря 2011 г. Киров: Кировский филиал Академии ФСИН России, 2011. С. 145–146.

[15] Руденко В.Н. “Чистая демократия” и ее атрибуты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10. № 3. С. 123.